

**Интернациональный университет трудящихся
и эксплуатируемых (Рабочий университет)**

Общественное большинства

12.

Москва. июль 2015

Периодическое издание
Общественное большинство. Выпуск 12. — М.:
Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет). Июль 2015. 46 с.

Общее руководство изданием - Б.В.Ракитский

***Коллегия главных редакторов
отдельных выпусков:
М.Д.Мандель
Б.В.Ракитский***

**Главный редактор выпуска №12
Мандель Марк Давид**

© Авторы статей

© Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет), 2015

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119361 Москва Озёрная улица 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru
Сайт ШТДР www.shkolatd.ru

**Интернациональный университет трудящихся
и эксплуатируемых (Рабочий университет)**

Общественное большинства

12.

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

SAM GINDIN *BRINGING CLASS BACK IN*

СЭМ ГИНДИН.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА 12

Сэм Гиндин	
ВОЗВРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА	4
Об авторе статьи	4
Производство людей	8
Канадское исключение	13
Дезорганизация рабочего класса	15
1. Класс и внутренняя демократия	20
2. Взносы или формирование класса?	21
3. Профсоюзы и их лидерство среди работников бюджетного сектора	22
4. Профсоюзы и занятость	25
5. Профсоюзы и общественные движения	27
6. Окружающая среда и демократическое планирование	29
7. Интернационализм	30
8. Средний класс?	31
Заключение	33
<i>Первый научно-практический семинар памяти Г.Я.Ракитской</i> СОБСТВЕННОЕ КЛАССОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОФСОЮЗНОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ Программа семинара	37
<i>Букетов Кирилл Александрович</i> Идейная борьба за будущее России На пути к собственной классовой идеологии рабочего движения	42

Сэм Гиндин

Возвращение рабочего класса¹

Об авторе статьи

*Сэм Гиндин - канадский ученый и интеллектуал. Долгое время возглавлял исследовательский центр профсоюза **United Auto Workers (UAW)** в Торонто. Был главным экономистом и помощником президента профсоюза **Canadian Auto Workers (CAW)**, после того, как последний стал независимым от **UAW**. Участвовал в крупных коллективных переговорах, формировании социальной политики и стратегии профсоюза. Он также является автором книги об истории **CAW - The Canadian Auto Workers: The Birth and Transformation of a Union**. С момента выхода на пенсию преподает в Йоркском университете. Сэм Гиндин остается активистом трудовых и социальных движений, как член «Социалистического проекта» и недавно созданной Большой ассамблеи трудящихся Торонто. Его труды посвящены анализу причин кризиса организованного рабочего класса в Канаде и США и политической экономии капитализма.*

Мы попросили Сэма Гиндина написать несколько слов о себе, чтобы наши читатели лучше представляли автора статьи. Он написал. Но в написанном о самом Сэме, как поначалу покажется, нет ничего. На самом деле тут о Сэме всё. Сэм Гиндин относится к людям подвижнического типа. Он забывает о себе, когда говорит о деле, о борьбе, которой посвятил свою жизнь. Вот что он написал нам:

¹ **Sam Gindin BRINGING CLASS BACK IN** Edmonton, June 18, 2014.
Перевод с английского Давида Манделя

«Я начал работать в Канадском профсоюзе автомобилестроителей (CAW) в 1974г., когда «золотой век» капитализма подходил к концу и прибыли падали. Фирмы и государства, озабоченные потерей «конкурентоспособности», становились все более агрессивными в своем усердии дисциплинировать трудящихся. Но еще опаснее было их стремление навязать трудящимся и их профсоюзам мировоззрение работодателей — необходимость «вхождения в положение» капиталистов. Трудящихся просили делать уступки в условиях труда, оплате, социальных льготах, чтобы укрепить конкурентную позицию «их» предприятия. Просили трудящихся считать их отношения с работодателем «партнерскими». Это была составная часть перехода к так называемому «неолиберальному» периоду капитализма. Это по сути этап капитализма, при котором класс трудящихся исчезает как независимый, общественно-политический субъект

К концу 1970-х — началу 1980-х годов Американский профсоюз автомобилестроителей (UAW), у которого CAW был тогда филиалом, принял предлагаемый работодателями подход. Канадцы же восстали против него, и в результате CAW отделился от UAW в середине 1980-х годов. В течение последующих 10-15 лет CAW стоял во главе канадского профсоюзного движения в борьбе против так называемого неолиберализма. Но к концу века и CAW, хотя не так резко, как UAW, поддавался давлению в пользу конкурентоспособности, уступок работодателям, установки на партнерство взамен независимой борьбы рабочих.

Моя роль в профсоюзе в качестве Директора исследовательского отдела, помощника Президента и советника Отдела обучения и политических кампаний включала в себя в первую очередь борьбу против уступок и «партнерства». Главными нашими аргументами были следующие:

1. Компании и трудящиеся не являются партнерами. Они не равные. Идеология партнерства подрывает активность, нужную для защиты трудящихся и для достижения новых завоеваний в обстановке неравенства.

2. Уступки влекут за собой новые уступки. Раз уж трудящиеся принимают в качестве собственного приоритета конкурентоспособность и уступки, то они по сути принимают логику работодателя и ставят свои потребности в подчиненное положение.

3. Уступки и партнерство не только подрывают силу трудящихся в краткосрочной перспективе, но ослабляют профсоюз и в долгосрочной перспективе.

4. Уступки работодателям ровно ничего не решают. В США молодой рабочий на Форде, Дж. М или Крайслере зарабатывает сейчас меньше с учетом инфляции, чем зарабатывал молодой рабочий полвека назад в начале 1960-х гг. И число членов UAW на предприятиях этих трех фирм упало с 750000 до 125000, т.е. на 85%. Большие уступки сопровождаются большими потерями мест работы.

5. Уступки налагают на трудящихся ответственность за проблемы, созданные капитализмом. Они отвлекают внимание от тех крупных политических преобразований, которые нужны трудящимся для создания достойных рабочих мест и для обретения экономической защищенности».

=====

За последние три десятилетия произошла довольно удивительная перемена в траектории развития капиталистического общества. Достижения рабочего класса, ранее выдаваемые за свидетельства успешности капитализма — повышающийся уровень жизни, растущая экономическая защищённость, — внезапно были объявлены «проблемами». Вынужденные уступки и постоянное ощущение незащищенности стали новыми

«нормами», а растущее классовое неравенство — новой неизбежностью.

Все эти явления были описаны одним термином — «неолиберализм», который Адольф Рид, известный американский политолог, кратко резюмировал как «капитализм без оппозиции рабочего класса»². Это лаконично подчёркивает тот факт, что данный этап организации общества обусловлен слабостью рабочего класса. Но еще важнее, что подобная трактовка заставляет нас разобраться в причинах ограниченного характера сопротивления трудящихся правому повороту общеполитической жизни, начиная с конца 1970-х гг. Этот период, конечно, богат примерами отважной борьбы и моментов, в которых промелькнули проблески потенциала рабочих. На самом деле реакция трудящихся Канады была одной из наиболее впечатляющих. Но если сравнить ее с масштабом наступления на положение трудящихся, то она была слишком разбросанной, несмелой, и она себе ставила чрезмерно узкие цели. Я хочу тут обсуждать историю этого поражения, не с целью отказа от профсоюзов, но для того, чтобы формулировать этим ключевым организациям более масштабные цели.

Последний экономический спад, сравнимый по глубине с недавним финансовым коллапсом, был в 1930-х годах. Контраст между ответной реакцией трудящихся тогда и теперь поражает. В ту пору, когда профсоюзы были еще организованы преимущественно по цеховому принципу и заморожены в исключительных бюрократических структурах, бунт внутри рабочего движения — а в нем коммунисты и другие левые политические активисты часто играли ведущую роль — породил новые профсоюзы отраслевого типа, которые ставили себе целью объединение трудящихся массовых профессий без различия уровня их квалификации, расы или пола.

Это новое профсоюзное движение породило такие новые приемы борьбы, как оккупации («сидячие заба-

² Adolph Reed Jr., *New Labor Forum*, Dec 12, 2013.

стовки»), такие новые стратегии, как ведение переговоров на отраслевом уровне и заключение отраслевых колдоговоров, а также новые формы демократии на предприятиях, основанные на системе избранных цеховых делегатов. Сегодня профсоюзные структуры снова находятся в кризисной ситуации, но ничего сравнимого с протестным взрывом 1930-х годов до сих пор не наблюдается и даже не обсуждается. Мы не поможем рабочему движению, если будем умалчивать об этих проблемах, опасаясь высказать критику в такое грозное время. Для возрождения рабочего движения нет ничего важнее признания факта крайней плачевности его нынешнего состояния и ведения как можно более трезвой дискуссии о его проблемах и о способах их преодоления.

В защиту этого мне хотелось бы изложить три важных аргумента. Во-первых, никакого обновления рабочего движения нельзя ожидать, если мы вновь не будем активно и комплексно использовать понятие «класс» в наших дискуссиях о стратегии. Но, во-вторых, это не означает абстрактных идеологических заявлений. Речь идёт о практических интересах и потребностях трудящихся, о потенциале и ответственности рабочего класса. Мы не должны выдвигать радикальные программные альтернативы, если мы при этом не строим политическую силу, способную их реализовать. А для этого нужно радикальное преобразование структур и функционирования профсоюзов. В-третьих, недостаточно одних только профсоюзов, даже лучших и более сильных. Защита и улучшение жизни трудящихся требует кроме профсоюзов новых форм их самоорганизации.

Производство людей

Отношение капиталистов к рабочему классу всегда было неоднозначным и противоречивым. Рабочие нужны им для извлечения прибыли. Но организация рабочих на предприятиях создает условия для организации профсоюзов и сопротивления рабочих капиталу. Это проти-

воречие касается и роли государства. Несмотря на их риторику против государственного вмешательства в экономическую жизнь, предпринимателям на самом деле нужно сильное государство — среди прочего для защиты их собственности и для создания рынков и управления ими. Но потенциальная способность трудящихся влиять на государство беспокоит капиталистов, когда речь идёт об экономическом регулировании (оно ведь может ограничить способы извлечения прибыли) и о налогах (социальных обязанностях капитала). Капиталисты также опасаются, что работники бюджетной сферы, вместо того, чтобы принимать стандарты, установленные в частном секторе, захотят устанавливать собственные социальные и трудовые стандарты, как это случилось в значительной степени у нас к концу 1960-х - началу 1970-х годов.

Но больше всего капиталисты опасаются, что трудящиеся могут ставить под сомнение сам капиталистический строй как естественный и вечный и начать думать, что этот строй, быть может, уже себя изжил, что пора думать о замене его более гуманной альтернативой. Приоритетная забота капитала о сохранении своего контроля над рабочим классом уходит далеко в историю. В этом отношении очень показательное внедрение конвейерного производства в США накануне Первой мировой войны. К тому времени компания Форд уже создала «отдел социологии» для шпионажа за рабочими как на работе, так и в их личной жизни. Работодатель заботился о том, чтобы его рабочие жили по его моральному кодексу и, что было важнее, не думали организоваться в профсоюз.

Глава социологического отдела заявлял тогда, что «бизнес мистера Форда — производство людей, что он производит автомобили всего лишь для покрытия издержек этого основного бизнеса»³. Это было не только

³ *Reverend S. Marquis, Director, Ford Department of Sociology, cited in Wayne Lewchuk, 'Men and Monotony: Fraternalism and Managerial*

остроумное замечание. Производство таких мужчин и женщин, которые вписывались бы в зачастую нечеловеческие потребности капитализма, всегда имело решающее значение для капитализма. И так по сей день. Система управления трудом на Форде включала в себя как прямые репрессивные меры, так и идеологическую обработку рабочих. Но репрессивные меры были слишком грубым инструментом, а корпоративная идеология была излишне хрупкой и противоречивой, так что рабочим быстро стал очевиден разрыв между обещаниями работодателя и их реальным опытом.

Слабости этого метода управления трудом проявлялись в актах индивидуального протеста рабочих: они увольнялись. Приходилось Форду нанимать по 4 рабочих на каждого оставшегося. Текучесть была на уровне почти 400%, тогда как сегодня она составляет менее 4%⁴. Форд решил значительно увеличить уровень материального стимула введением оплаты 5\$ в день. Это, конечно, сопровождалось интенсификацией труда и ужесточением контроля над рабочими: последним приходилось воздерживаться от азартных игр и от алкоголя; иммигранты были обязаны посещать уроки по «американскому образу жизни»; а супругам было запрещено вместе работать на заводе Форда. Но сравнительно высокая оплата просуществовала недолго. С ужесточением конкуренции на рынке автомобилей и соответственным снижением прибылей Форд отказался от этой «щедрости».

Во время Великой Депрессии компания Дж. М. столкнулась со схожей проблемой. Но ее проблема была связана уже не с индивидуальным сопротивлением в форме текучести, а с возникновением профсоюзов и коллективного сопротивления. Одним из самых красноречивых ответов компании на это было создание

Strategy at the Ford Motor Company, The Journal of Economic History, 53(4), December, 1993.

⁴ Там же.

ею двух документальных фильмов⁵. Первый, под названием «Руки мастера», был выпущен в середине 1936 г. В нем были использованы новейшие кинотехнологии и музыка из оперы немецкого композитора Рихарда Вагнера в исполнении филармонии Детройта. Действие фильма проходила почти полностью на заводе. Фильм воспевал замечательное профессиональное мастерство рабочих и их физический труд, отражавшиеся в производстве автомобилей.

Но всего через 16 месяцев Дж. М. неожиданно снял этот фильм и заменил его новым фильмом того же режиссёра. Его название — «От рассвета до заката». Действие открывается в пригородном коттедже. День рабочего начинается с плотного завтрака, приготовленного гордой, заботливой женой. Уходя из дома, он ее целует и вскоре он присоединяется к тысячам других таких рабочих по дороге на работу в их машинах. Сцена работы на конвейере в фильме весьма коротка. Вскоре наш рабочий уже снова дома. Он везет жену за покупками. В магазинах их радостно приветствуют местные бизнесмены. Затем наступает время отдыха дома за прослушиванием радио или за чтением.

Каковы же причины этого резкого контраста двух фильмов? Несмотря на то, что они были сняты почти один за другим, их разделял большой всплеск организации профсоюзов в автомобильной отрасли. Первый фильм был снят еще до волны оккупаций заводов, возглавляемых Профсоюзом работников автомобилестроения (UAW). А

⁵ Об этих фильмах я узнал от историка Дэвида Собела. Рик Прелинджер в своей заметке в сети от 16 июля 2004 г. пишет: «В одной малоизвестной статье и книге под названием «Business Finds Its Voice» (текст которой доступен на диске №2 «Capitalist Realism» из серии «Our Secret Century»), была заметка о том, что «От рассвета до заката» была частью стратегии по ослаблению поддержки профсоюзам в двенадцати городах, в которых были расположены заводы Шевроле»

<http://www.archive.org/movies/details-db.php?collection=prelinger&collectionid=07806a>.

второй — уже после официального признания профсоюза работодателями. Если конечным продуктом первого фильма была машина, то во втором им уже стала зарплата. Тем самым активная сила коллективного производства была превращена в пассивную силу индивидуального потребления.

Однако так же, как и Форд, Дж. М. не смог осуществить до конца эту идею и, прежде всего, из-за Великой Депрессии. Но стратегическая установка фирмы на «продуктивизм», которая подчеркивала сотрудничество между рабочими с работодателями для улучшения общего благосостояния была снова возрождена американским бизнесом и государственной властью после Второй мировой войны. Она затем распространилась в Канаду и в Европу. Но это не был стихийный процесс. Сразу после войны многие рабочие и ветераны склонялись к радикальным взглядам левых политических сил по вопросам политической власти и социального равенства, расширения прав трудящихся на работе и демократического контроля за инвестиционными решениями.

Капитал и власть ответили обоюдоострой стратегией. С одной стороны, они стремились изолировать и подавлять левые политические силы. И надо сказать, что многие профсоюзные лидеры, конкурирующих с левыми активистами или в поисках «респектабельности», позорно участвовали в это наступление против левых активистов и лидеров. С другой стороны, рабочим активно внушалось, что в рамках капитализма можно добиться в сущности той же защищённости и того же материального благополучия, которые им обещали левые. К тому же с меньшими рисками. Оглядываясь назад, можно сказать, что чистка этого сравнительно немногочисленного, но стратегически важного левого меньшинства внесла очень значительный вклад в поражение всего канадского рабочего движения. В результате рабочее движение ограничивалось борьбой в рамках капитализма. Требования рабочих соответственно

суживались, ограничиваясь вопросами заработной платы и социальных льгот. В 1950-х и 1960-х годах, в период относительно полной занятости трудящиеся на самом деле достигли значительных экономических успехов. В колдоговорах они создавали для себя по сути частные «государства благосостояния» и смогли даже сохранять определенные права на работе.

Но эта попытка привязать интересы рабочего класса к успеху капитализма снова оказалась противоречивой. К концу 1960-х годов рабочие, поощряемые существующей тогда по сути полной занятостью, сопротивлялись власти капитала. Они отказывались отрешаться от ожидания дальнейшего роста потребления несмотря на то, что условия послевоенного экономического бума уже быстро исчезали. В меняющихся условиях капиталистам становилось все сложнее откупиться от боевого давления трудящихся и в то же время сохранить уровень прибыли.

После периода шатаний в 1970-е в поисках решения этой проблемы правительства вновь обрели уверенность в себе и начали вести политику, которую мы теперь называем «неолиберализмом». Причины уязвимости трудящихся к этой новой агрессивной политике властей и капитала нужно искать в послевоенном поражении левых политических сил и, вместе с ними, многих из лучших активистов профсоюзного движения. Но часть причин надо искать, как ни парадоксально, в самих успехах профсоюзного движения. С течением времени успехи профсоюзов все более зависели от освоения техники ведения переговоров и методов квази-судебного обжалования нарушений колдоговоров и все меньше — от организации, активизации рабочих «низов» и укрепления связей профсоюзов с прогрессивной общественностью. Но эти ограниченные, в основном технические методы оказывались мало пригодными в условиях нового наступления капитала и политических властей.

Канадское исключение

Но всё же канадский рабочий класс продолжал проявлять удивительную стойкость и стратегическое умение. В Канаду неолиберализм пришёл в середине 1970-х годов — раньше, чем в другие развитые страны, в том числе и США. Причины этого «опережающего неолиберализма» коренятся в страхе местных элит, (всегда озабоченных канадскими экономическими отношениями с США) перед угрозами понижения конкурентоспособности и прибыльности канадских корпораций из-за продолжающейся боевитости канадских трудящихся. Введение правительством ограничений на коллективные переговоры спровоцировало однодневную общую забастовку 14 октября 1976 года — первую в истории страны с 1919 г. и в Северной Америке с 1930-х годов. Но даже этот впечатляющий протест не заставил государство изменить свою политику.

В середине 1980-х годов Канада инициировала переговоры по заключению договора свободной торговли с США для обеспечения доступа к американским рынкам на особых условиях. Эта более глубокая экономическая интеграция теснее связала канадских трудящихся с более слабым американским рабочим движением. Канадская элита надеялась, что интеграция будет способствовать дисциплине канадского рабочего класса. Но разрыв между канадскими рабочими автомобилестроительной отрасли с американским профсоюзом именно в этом периоде дал понять, что в Канаде возникает что-то особенное. Это подтвердилось, когда канадские профсоюзы вместе с другими прогрессивными общественными движениями запустили мощнейшую учебно-политическую кампанию против заключения договора свободной торговли. Но несмотря на широкую оппозицию этому договору он был заключен. Либеральная партия и Новая демократическая партия (социал-демократы) разделили оппозиционные голоса, и это позволило консерваторам победить даже с меньшинством общего числа голосов. (Конечно, очень

может быть, что поражение консерваторов не означало бы окончательное поражение договора «свободной торговли» а только отложило бы его на потом.)

Десять лет спустя, в середине 1990-х годов, в ответ на политику правого правительства провинции Онтарио, стремящегося ускорить эрозию социальной защиты трудящихся, профсоюзы в союзе с общественными движениями взяли на вооружение уникальную тактику. Они в течение двух с половиной лет организовали ряд сменяющихся общих забастовок то в одном, то в другом городе (всего в восьми). Кульминацией был 250-тысячный митинг — самый большой в истории страны — в городе Торонто, который парализовал его центр. Эта кампания затормозила наступление капитала, но не остановила его.

Такие действия канадского профсоюзного движения — были и другие значительные, общерегиональные протесты в провинциях Британской Колумбии и Квебеке — продемонстрировали впечатляющую способность к выходу за рамки традиционной профсоюзной борьбы, к политическому действию, в том числе к организации широкомасштабной кампании политического образования и активизации рабочей молодёжи. В этой борьбе профсоюзы лидировали, отнимая лидерство у Новой демократической партии, которая считала, что профсоюзы неправильно понимают общественное настроение и своей борьбой вредят успеху партии на выборах. Ибо эта борьба отвлекала, дескать, профсоюзных активистов от предвыборной кампании в пользу «политики улицы». На самом деле это показало банкротство лидеров этой партии и потенциал профсоюзного движения как мотора социального прогресса.

Но если оценить политизацию профсоюзов с точки зрения ее результатов, то надо признать, что результаты разочаровали. Как часто бывало в прошлом, деморализация активистов от сознания, что они сделали все возможное и все-таки не могли достичь значительного успеха, подготовила почву для дальнейших, более

значительных, поражений. Некоторые реагировали на разочарование более прагматичной поддержкой Новой демократической партии. Но иных такой прагматизм толкнул дальше, в сторону поддержки либералов. Многие профсоюзные лидеры, придя к выводу, что забастовки и уличная политика не дают плодов, обращались к сделкам с работодателями. Такие политические манёвры вызывали некоторое сопротивление со стороны рядовых членов профсоюза. Но эта оппозиция была не особенно эффективной.

Дезорганизация рабочего класса

Если канадское профсоюзное движение мобилизовало своих членов, заключало эффективные альянсы с прогрессивными общественными движениями и вело оригинальную тактику, почему оно все-таки не достигло успеха? Прежде чем разбираться в недостатках профсоюзного движения, важно оценить силу его противника. Кризис 1970-х, как и предыдущий кризис 1930-х годов, воскресил опасную для буржуазии перспективу перехода государств к протекционизму и контролю за движением капитала. Это была угроза становлению глобального капитализма. Неолиберализм должен был избежать национальной розни между капиталистами, объединяя их для общей борьбы с их национальными рабочими классами.

Решающей была способность неолиберализма укрепить уже существующие препятствия на пути формирования трудящихся в единый оппозиционный класс. Как гневно заявил в конце 1970-х годов тогдашний президент UAW Даг Фрэзер, : ведется классовая война, но только один класс активно борется — класс имущих»⁶.

⁶ [\[5\]](#) Doug Fraser, July 17, 1978, письмо, в котором он заявил о своей отставке от совместной Группы профсоюза и менеджмента, частной группы, возникшей после развала Президентского комитета профсоюзов и менеджмента.

<http://www.historyisaweapon.org/defcon1/fraserresign.html>.

Классовая проблематика требует уточнения. Трудящиеся могут составить класс с точки зрения их места в обществе. Но это не значит, что они на самом деле себя считают классом и действуют соответственно. В самом деле, существуют мощные силы в ежедневном функционировании капиталистического общества, которые разделяют работников, атомизируют их, связывают их не друг с другом, а с работодателями. Рабочие, например, различаются не только по местам работы и личными характеристиками, такими как гендерная и этническая принадлежность. Они еще распадаются по уровню дохода и по состоянию найма (полный или неполный рабочий день; занятый, безработный или нетрудоспособный). Неолиберальное дерегулирование рынков труда, совершаемое путем разрушения законодательных трудовых стандартов, путём применения стандартов частного сектора к государственным работникам или активного уничтожения профсоюзов, углубляет неравенство и расслоение *внутри* рабочего класса, тем самым усугубляя его внутреннюю фрагментацию.

Рабочие зависимы от работодателей в отношении занятости и дохода. Неудивительно, что они (на основе ежедневного опыта) рассматривают своих хозяев как носителей экономических и научных знаний, как людей, умеющих превратить рабочую силу в товары и услуги, которые можно продавать на рынке. Акцент неолиберализма на «конкурентоспособности» еще теснее привязывает трудящихся к успеху их конкретного работодателя и дистанцирует их друг от друга. Примечательна и асимметрия эффекта конкуренции для классов: когда предприятие терпит поражение в конкуренции. Итоговая концентрация капитала в более сильных корпорациях укрепляет буржуазию как класс. Но конкуренция среди рабочих подрывает их основное оружие — солидарность.

Другой фактор — заикленность на краткосрочных целях. Нестабильность жизни рабочих заставляет их

сосредоточиться на непосредственных целях, отвлекая их от долгосрочного интереса борьбы с самой системой капитала. А это тенденция усиливается по мере того, как неолиберальная перестройка углубляется, усугубляя нестабильность занятости и подрывая систему социальной защиты. В результате разрушаются рабочие кварталы городов, создававшиеся в течение поколений и поддерживавшие классовую идентичность. Потребуется ещё немало лет для их восстановления.

Ограничивая размер зарплаты, неолиберализм влияет и на форму доступа трудящихся к потреблению, что также имеет отрицательное влияние на солидарность. Уровень потребления, особенно для трудящихся, состоящих в профсоюзах, начал сравнительно меньше зависеть от коллективной борьбы с работодателем или с государством, а больше от индивидуальных решений трудящихся. Семьи, и особенно женщины, начали работать больше часов. Рабочие уходили в долги. Дети оставались дольше жить у родителей, экономя деньги для будущей ипотеки. Дома трудящихся служили залогом для кредита. Трудящиеся стали приветствовать рост цен на бирже акций как защиту их пенсионного фонда. Они стали рассматривать снижение налогов как увеличение заработной платы, вместо того, чтобы в нем видеть сокращение социальных расходов. Такие индивидуальные решения проблем подрывали способность трудящихся вести коллективную борьбу.

Умение государства эксплуатировать существующие слабости трудящихся и отрицательно влиять на их классовое самосознание ставит трудящихся в беспомощное, подвешенное состояние. При отсутствии классового видения и в особенности при отсутствии структур, позволяющих им с уверенностью участвовать в коллективной борьбе, распространялся пожирающий силы фатализм — ощущение у трудящихся, что они не могут влиять на происходящее, ощущение, что они не субъекты собственной жизни. Если раньше капитализм заяв-

лял о себе как об оптимальном варианте общественного строя, то теперь он претендует быть единственным решением. Поскольку личное выживание стало считаться единственной реалистичной целью трудящихся, они сами стали причастными воспроизводству конкурентного, индивидуалистического духа неолиберализма.

Левые часто сетуют на отсутствие у трудящихся радикализма или обвиняют в этом профсоюзных лидеров. И хотя избранные руководители профсоюзов, которые должны были бы проявлять лидерство, несут большую ответственность за то, что делается или не делается, корень проблемы лежит глубже — в самой природе профсоюзов. Профсоюзы в лучшем случае объединяют отдельные части рабочего класса. Это не общеклассовые организации. Они представляют конкретные группы работников с определённой квалификацией, с общим местом работы или трудящихся одного экономического сектора. Они защищают интересы определённой группы трудящихся, а не всего класса. Это создаёт благодатную почву для восприятия трудящимися профсоюзов как некоего страхового полиса: взносы обмениваются на ведение профсоюзом переговоров и на другие представительские услуги. Это, в свою очередь, способствует тенденции оставлять в руках лидеров и технических специалистов бóльшую часть того, что происходит в профсоюзах, создавая почву для их бюрократизации.

В первые годы после Второй мировой войны эта организационная форма тем не менее срабатывала. Профсоюзы добивались успехов, которые в свою очередь распространялись и на другие части рабочего класса. Но сейчас, как показывает недавнее прошлое, этот момент прошел. Профсоюзы, представляющие лишь отдельные группы трудящихся, не могут состязаться с неолиберальным капитализмом. Даже когда канадские профсоюзы поднимались на общую борьбу, они потом снова возвращались к своим отдельным коллективным переговорам. Они не могли эти политические действия

ставить в более широкие рамки борьбы, не заботились об обучении молодых рабочих, вовлечённых в эту захватывающую борьбу. У них не было стратегии для наращивания потенциала борьбы и для консолидации союзов, заключённых с общественными движениями по местам жительства, где проходила борьба.

Это не должно нас удивлять. Сами по себе профсоюзные лидеры либо перегружены организационной текучкой, либо в некоторых случаях, поскольку это облегчает их работу, спокойно смотрят, как их члены винят во всём глобализацию и неолиберализм, тем самым снижая свои ожидания от профсоюза и от его руководства. Что касается рядовых членов профсоюза, они большей частью слишком изолированы друг от друга и от чужой борьбы. У них отсутствуют историческая память, уверенность в себе и нужные ресурсы для успешного давления на лидеров в пользу радикальной переориентации профсоюзов.

Вдохновляющие примеры более широкого действия профсоюзов, как отмечалось ранее, периодически появляются. Но для того, чтобы они стали правилом, а не исключением, чтобы трудящиеся могли стремиться к более глобальным целям, требуется другой тип организации. Такой организации, которая стоит одной ногой внутри профсоюзов, а другой — в широком обществе. Такой, которая основана на рабочем классе, но не ограничивается ежедневными вопросами и переговорами, а способна в своей стратегии обнять более широкий общественный контекст профсоюзных действий. Традиционно это считалось ролью социалистических партий — организаций, которые не сводят политику к достижению компромиссов ради успеха на очередных выборах, и которые не станут потом объяснять рабочим, что больше сделать было невозможно. Это были организации, ориентированные на долгосрочный проект формирования трудящихся в «класс для себя» во всех его

сложностях и измерениях, в социальный и политический субъект истории.

Поскольку такой массовой социалистической партии в Канаде еще не существует, перед людьми при поисках выхода из тепершнего кризиса стоит сложный вопрос: как лучше защищать трудящихся и начать процесс профсоюзного обновления уже сейчас, а в то же время заложить основу развития необходимой партии. В данный момент критически важным стратегическим вопросом является привнесение классового самосознания в профсоюзное движение. Остаток этого доклада я посвящу анализу конкретного смысла этой задачи. Я это сделаю в форме обсуждения ряда конкретных вопросов.

1. Класс и внутренняя демократия

Первый вопрос должен быть очевидным, но зачастую это не так. Движение, стремящееся к более глубокой демократии и социальному равенству, должно само быть демократичным и эгалитарным. Как сказал Лоис Вайнер: «Если профсоюзы не демократичны, то даже если они борются за социальную справедливость, они увековечивают иерархические отношения, лишаящие трудящихся власти»⁷.

Это принципиальный вопрос. Профсоюзы должны служить примером демократии. Но это и вопрос эффективности. Демократические навыки трудящихся развиваются только путем демократического участия в жизни профсоюза. Движение, управляемое исключительно «сверху» (вместо того чтобы лидеры служили катализаторами самого широкого и глубокого участия «низов»), не сможет надолго активизировать рядовых трудящихся. И нельзя ожидать солидарного действия от класса, разделённого по признакам гендера и расы. Солидарность трудящихся зависит от серьезной, активной

⁷ *Lois Weiner, «Речь, произнесенная в Санта-Барбара».*

приверженности профсоюза принципу равенства всех его членов, как внутри так и за пределами организации.

2. Взносы или формирование класса?

Вина за скромные успехи профсоюзов в организации новых коллективов — независимо от степени стабильности занятости в данной отрасли — лежит в первую очередь на работодателях и на государстве. Но ответственны за это в немалой степени и профсоюзы, делающие акцент на увеличении количества платящих взносы членов, а не на формирование рабочего класса как субъект общества. Среди прочего, это приводит к губительной конкуренции между профсоюзами за членов, платящих взносы, вместо сотрудничества между профсоюзами (что сегодня почти невысказано). Только нацеленность на формирование класса как субъект общества способна вызывать нужную энергию и создавать нужные ресурсы для значительных успехов в деле организации новых групп трудящихся в профсоюзы.

Некоторые профсоюзы всё-таки поняли, что не только условия труда, но и условия жизни в обществе влияют на самосознание трудящихся. Но пока ещё мало кто понял потенциал трудящихся стать ключевыми организаторами там, где они живут, — в церквях, школах, этнических сообществах, социальных центрах, спортивных клубах и т. д., как это отмечает Джейн МакАлвей⁸. Адекватная оценка значимости общественной деятельности в местах жительства способна привести к образованию новых структур, которые организовывали бы трудящихся и представляли бы их интересы. Возможно, например, что общегородские, а не отраслевые, профсоюзы имели бы больше успеха в организации работников сферы быстрого питания и других работников с неста-

⁸ См. *Jane McAlevey u Bob Oustertag, Raising Expectations (Raising Hell): My Decade Fighting for the Labor Movement, New York: Verso, 2014.*

бильной занятостью. Возможно, что общегородские ассамблеи являются наилучшим методом сплочения для солидарного политического действия трудящихся, как организованных, так и не организованных в профсоюзы⁹.

Учитывая всё то внимание, которое уделяется вопросу организации трудящихся с нестабильной занятостью, удивляет, что мало внимания обращается на недавно сокращенных членов профсоюзов. Ведь после сокращения большинство из них переходят в категорию нестабильной занятости. Оставаясь на связи с ними посредством информационных собраний, семинаров, культурных мероприятий в помещениях профсоюза, можно их мобилизовать для участия в политических кампаниях за занятость и за социальную защиту и заинтересовать их в организации профсоюза на их новом месте работы. К тому же опасно пренебрегать бывшими членами профсоюзов. Ведь если профсоюзы перестают ими интересоваться, эти трудящиеся могут заключить, что профсоюзам интересны не сами трудящиеся, а только их взносы. И от этого страдает поддержка профсоюзам в обществе.

3. Профсоюзы и их лидерство среди работников бюджетного сектора

Профсоюзы бюджетного сектора сосредоточиваются на ведении переговоров по заключению колдговоров с представителями власти и на решении трудовых конфликтов. Но государство ввело жесткие политические ограничения на результаты переговоров, выходящие за рамки его «жесткой экономики». Они, например, свели на нет привилегии учителей по накопленному стажу, открыли путь приватизации сферы медицинских услуг и на практике отменили право на забастовку там, где она мо-

⁹ [8] *Bill Fletcher Jr Bill Fletcher Jr. and Fernando Gaspasin, Solidarity Divided: The Crisis in Organized Labor and a New Path to Social Justice , Berkeley: University of California Press, 2008, pp. 170-9.*

жет быть эффективной. Ответ на такое наступление требует координации, выходящей за рамки отдельных групп работников, секторов и профсоюзов. Встают такие вопросы: какие цели определить как стратегические? организовать ли общую забастовку или частичные «каскадные» забастовки? с каких групп работников начать действие, чтобы трудящиеся, а не власть, сохраняли инициативу? В конечном счете это агрессивное наступление на положение трудящихся и на социальное обеспечение всего рабочего класса требует участия не только профсоюзов работников бюджетной сферы, но и всего рабочего класса и его союзников.

Властям удалось изолировать работников бюджетной сферы, ставя вопрос так: или увеличение зарплаты бюджетникам — или сохранение уровня социальных услуг. Представители власти сопоставляют трудовые условия бюджетников с положением трудящихся частного сектора, которых работодатели заставляют согласиться на уступки. Они указывают еще на безработицу среди молодежи и на сокращение социальных бюджетов для поддержки нетрудоспособных. Бюджетники, безусловно, должны отстаивать свои зарплаты и требовать повышения налоговых ставок для богатых. Они могут объяснить, что увеличение их нагрузки и ухудшение условий их труда непосредственно связаны и со снижением уровня социальных услуг населению, и с ухудшением их качества. Они могут также указать на то, что их профсоюзы требуют укрепления и улучшения социальной сферы. Но это всё не убедит скептически настроенной общественности, в том числе и других трудящихся.

Единственный способ завоевать общественное мнение — это наглядно показать путем требований профсоюзов бюджетной сферы за столом переговоров с властями, путем взаимодействия с потребителями социальных услуг, да и непосредственно на улицах, что именно работники бюджетной сферы, а не государство, защищают социальную сферу, что именно они, а не

власть, борются за её высокое качество, за уровень услуг населению и за социальную защиту трудящихся. Такая стратегическая установка повлекла бы за собой значительные изменения во всех существующих стратегиях, тактиках и в самой структуре рабочего движения. Это потребовало бы перераспределения профсоюзных ресурсов, наращивания потенциала профсоюзов на местном, отраслевом, и национальном уровнях, основательной активизации рядовых членов профсоюзов, переосмысления отношений профсоюзов с обществом, смелости открыто критиковать недостатки системы социального обеспечения и выдвигать предложения для ее улучшения, и, наконец, беспрецедентного шага — ставить уровень и качество социального обеспечения населения в центр переговоров по заключению колдоговоров работников бюджетной сферы.

В общем плане это потребует развития у трудящихся и у их профсоюзов уверенности в своей силе, развития их способности на стратегическое мышление. Это нужно для перенесения центра борьбы на более выгодную нам территорию. Нельзя ведь оставаться на территории, выгодной врагу, территории «конкурентноспособности» и исключительной заботы о счастье банкиров.

Но это требует творческого подхода к использованию рычагов давления трудящихся по месту их работы. Например, в Торонто во время забастовки мусорщиков в 2009 году мусор накапливался в городских парках, что вызывало негодование общественности. Разве не было бы лучше вывалить этот мусор на площадь парковочных стоянок финансового центра Канада на улице Бэй в Торонто? Люди увидели бы связь между интересами банков и «жесткой политикой» правительства. Профсоюз мог бы ограничить забастовку богатыми районами города, подчеркивая этим классовую сущность борьбы и, в частности, оппозицию зажиточных жителей города увеличению ставок своего налогообложения, не смотря на их стремительно растущее богатство.

А водители автобусов вместо того, чтобы начать борьбу с забастовки, могли бы продолжать свою тактику отказа принимать от пассажиров плату за проезд. А когда работодатель приказал бы им собирать плату, они могли бы это делать вяло, ссылаясь на проблемы охраны труда. Разве не должны профсоюзы разоблачать пороки и недостатки существующей системы государственных услуг и социального обеспечения вместо того, чтобы эту систему защищать? Профсоюзы бюджетников должны организовать советы представителей работников и пользователей государственных услуг всех сфер с целью защиты интересов и госработников, и граждан.

4.Профсоюзы и занятость

В самой сути профсоюзов прячется противоречие, которое проявляется со всей силой в периоды повышенной безработицы. Приоритет членов профсоюзов — сохранить места работы. Но профсоюзы по самой своей природе не могут эффективно защищать рабочие места. Они борются за цену и за условия труда на существующих уже рабочих местах. Эта проблема усугубляется еще тем, что условия повышенной безработицы подрывают и эту основную функцию профсоюзов, потому что труднее поднимать трудящихся на борьбу, когда они дрожат за свои рабочие места. Словом, трудно представить себе возрождение профсоюзного движения без стратегии для создания новых, достойных рабочих мест.

Вся несостоятельность аргумента, что усиление власти корпораций и соответственное ослабление влияния профсоюзов приведут к созданию хороших рабочих мест, всем давно уже ясна. Корпорации владеют огромными резервами ликвидности, но политика властей в пользу корпораций не создает даже видимости полной занятости, и ещё меньше создаёт она хорошо оплачиваемых рабочих мест. Суть проблемы не в слабости корпораций, а наоборот — в их огромной, неподконтрольной власти.

Когда занятость становится приоритетом для рабочего движения, это заставляет его думать радикально. Стратегия, которая не ставит себе целью обуздать власть частного капитала над экономикой, не может рассчитывать на значительный успех. Стратегическая цель поддержки занятости заставляет бороться против корпораций, закрывающих предприятия, продвигающих политику «свободной торговли» и свободного передвижения капитала, политику дерегуляции рынков, «гибкого» трудового законодательства, облегчения налогового бремени бизнеса. Эта цель в особенности требует общественного контроля над банковской системой и над распределением прибылей и сбережений общества. Это тем более верно, когда вопрос занятости ставится не абстрактно, а в тесной связи с вопросами социального равенства и охраны окружающей среды.

В качестве примера давайте рассмотрим вопрос в контексте государственных мер спасения автомобильных корпораций во время финансового краха 2008 г. В противовес политике, которая была нацелена на увеличение количества машин на дорогах независимо от рациональных социальных потребностей и состояния окружающей среды, профсоюзы этой отрасли могли бы указать на гораздо более радикальную конверсию, осуществленную в автопромышленности во время Второй мировой войны, и потом на конверсию обратно после войны.¹⁰ Профсоюзы могли бы выступать в пользу плановой конверсии оборудования, инструментов и рабочих квалификаций этой отрасли в пользу альтернативных, социально полезных производств, которые не интересны частному капиталу, но сугубо и надолго нужны обществу: транспортные и энергетические сети, модернизация методов и материалов строительства и обновления уже существующих зданий, модификация

¹⁰ *Greg Albo, Sam Gindin and Leo Panitch, In and Out of Crisis: The Global Financial Meltdown and Left Alternatives, Oakland, CA: PM Press, 2010, Chapter 5.*

оборудования и производственных процессов на заводах и в офисах.

Требование поддержки занятости должно быть сформулировано не как спасение Дж. М., а как сохранение районов и городов проживания трудящихся, сохранение производственного потенциала закрывающихся предприятий и рабочих коллективов. Говорить надо не о восстановлении прибыльности, а об удовлетворении социальных потребностей, не о конкурентоспособности как о главном арбитре нашей материальной жизни, а о демократическом планировании в рамках расширяющегося *общественного* сектора. На региональном уровне надо продвигать идею общественного планирования в целях создания производительных рабочих мест и предоставления образования всем желающим. Это можно делать при помощи избираемых местных органов, которые выявляли бы неудовлетворенные потребности населения и неиспользованные навыки трудового населения, предоставляли бы техническую экспертизу для конверсии предприятий, которым грозит закрытие, организовывали бы обучение для повышения экономической грамотности в целях расширения участия в этих местных органах планирования.

5. Профсоюзы и общественные движения

Борьба против политики капитала с конца 1990-годов велась по большей части не профсоюзами, а другими общественными движениями, такими, например, как «Оккупай», протестами против проекта свободной торговли американского полушария, протестным движением коренных народов под названием «Не будем больше сидеть сложа руки», экологическими протестами против добычи нефти из битуминозных песков или против нефтепровода Эндбридж. Эти движения получали поддержку от профсоюзного движения, которое, в свою очередь, благодаря этой поддержке, укрепило свою легитимность в глазах прогрессивной общественности.

Это однозначно было позитивно, и такое взаимодействие надо поощрять и развивать. Но надо трезво оценивать потенциал возрождения рабочего движения и создания политической альтернативы, которая объединяла бы профсоюзы и другие прогрессивные общественные движения.

Следует обратить внимание на три особенных проблемы. Во-первых, хотя профсоюзы и общественные движения вообще едины в своей оппозиции политике неолиберализма, для создания эффективной коалиции необходимо установить более конкретные общие цели. Особенно трудно будет преодолеть культурные и политические различия для выработки общей тактики и стратегии. Многие активисты общественных движений считают решение своей конкретной проблемы конечной целью, а не шагом на пути к решению более глобальных вопросов. Они поэтому быстро теряют энергию.

Во-вторых, эти общественные движения в Канаде не являются массовыми. Как правило, они состоят из небольшого количества активистов, ориентированных на решение конкретной проблемы. Если учесть слабость профсоюзного движения, то станет понятно: объединение двух не особенно успешных общественных движений не даст большого эффекта. Это стало особенно очевидным, когда движение «Оккупай» достигло своего апогея. «Оккупай» было позитивное движение, поскольку оно показало, что смелые действия могут вызвать симпатию общественности. А их лозунг об 1% населения, который правит миром, продемонстрировал, как можно говорить о классовом господстве в доступных терминах. Профсоюзы оказали ему материально-техническую поддержку. Но надо было воспользоваться присутствием профсоюзов на рабочих местах для организации реальной, а не чисто символической, оккупации — государственных зданий, учебных заведений, предприятий. Этого не случилось, и движение «Оккупай» довольно быстро увяло.

Третья проблема — профсоюзы считают общественные движения «посторонними», но с которыми можно создать политический союз. Они в них не видят представителей других сторон или измерений того же рабочего класса, которые они сами часто игнорируют. Городские и районные центры рабочего действия, организации защиты прав иммигрантов, общества взаимопомощи, организации по борьбе с бедностью — они ведь все представляют части рабочего класса, находящиеся в особенно тяжелом положении. К тому же многие общественные движения не являются «чужими» и в ином смысле: они заботятся о сторонах жизни рабочего класса за пределами рабочих мест. Они борются за качество воздуха и питьевой воды в местах жительства трущавых, против закрытия больниц и школ, за доступное и приличное жилье.

6. Окружающая среда и демократическое планирование

Трудящиеся все больше осознают серьезность экологического кризиса, который угрожает им и их семьям. Многие профсоюзы занимают прогрессивные позиции по отношению к этой проблеме. Но серьезный подход к ней поднимает сложные вопросы, на которые надо искать ответы, такие вопросы, как необходимость глубокой реструктуризации рабочих мест и промышленности вообще, изменение форм потребления и ценностей населения, пересмотр устройства наших городов.

Напрасны ожидания, что предупреждения насчёт близкого печального конца подвигнут людей к действию. Политической силы, способной реально влиять на экологическую угрозу, ещё нет. Поэтому предупреждения не способны активизировать людей, а скорее приводят их в отчаяние и заставляют опустить руки. Мир, наверное, еще будет на месте в ближайшие десятилетия. Вопрос заключается скорее в том, до какой степени он станет бо-

лее уродливым и менее пригодным для достойной человеческой жизни и насколько существующее экономическое неравенство будет влиять на доступ к чистой воде, к чистому воздуху, к природе.

Поэтому, конструктивнее говорить об экологическом кризисе как о составной части более широкой борьбы против политики неолиберализма. Если защита экологии потребует определенного ограничения на потребление, то надо требовать справедливого распределения этих ограничений в рамках радикального перераспределения доходов и богатств. Это, в свою очередь, указывает на необходимость серьезного пересмотра культуры потребления — необходимо переносить акцент с индивидуального потребления на коллективное. А это указывает на связь между занятостью и экологией на основе необходимости переустройства городской инфраструктуры (в том числе и общественного транспорта) и — о чем мы выше говорили — конверсии для социально полезных нужд производственных мощностей, от которых рынок отказывается.

Все это должно привести к требованию демократического планирования и, в связи с ним, национализации частных банков для обретения финансовых ресурсов, нужных для этого планирования (финансовые ресурсы банков — это сбережения общества.) Далее возникнет вопрос, не является ли сам капитализм по своей фундаментальной ориентации на конкуренцию, на частное извлечение прибыли и на бездумный рост основным препятствием рациональному подходу к преодолению экологического кризиса.

7. Интернационализм

Социальная справедливость — универсальная ценность, а потому каждое прогрессивное общественное движение должно бороться против всех форм угнетения у

себя и за границей. Одним из важнейших аспектов интернационализма всегда была борьба против вмешательства одних государств во внутреннюю жизнь других. А экологическая борьба должна учитывать тот факт, что для того, чтобы страны мирового «юга» нас догнали, развитым странам, возможно, придется согласиться на замедление темпов собственного роста. И когда где-то за рубежом возникает протест, например крупная забастовка, мы несомненно должны оказать борющимся поддержку. И по мере того, как глобализация вытесняет отчаявшихся трудящихся из их стран в поисках средств существования, а наша страна их принимает в качестве дешевого труда, нам надо участвовать в их борьбе за права и за справедливые условия, ибо они являются частью рабочего класса.

Но надо трезво смотреть на действительность: если мы не способны у себя установить отношения солидарности между работниками частного и бюджетного секторов, между рабочими металлургической и автомобильной промышленности или между рабочими провинций Альберта и Онтарио, то наивно считать, что удастся это делать между трудящимися нашей страны и стран с совсем другой историей, другим языком, другой социально-политической обстановкой. Если нам не удастся наращивать нашу классовую силу у себя, то сможем ли мы реально оказать какую-либо поддержку трудящимся за границей?

Поэтому наибольший наш вклад в интернационализм — это наша собственная борьба против собственной буржуазии и ее власти. Наши уступки капиталу подрывают положение трудящихся и за границей. А наши успехи расширяют пространство для побед в других странах. Что касается более наглядных форм международной солидарности, как, к примеру, массовые технологические трансферты для поддержки развития стран «Юга», то это нереально до тех пор, пока рабочий класс у нас сам не приобретёт контроль над этой технологией и пока мы не

посторим мир, кардинально отличающийся от нынешнего, основанного на частных корпорациях, конкурирующих за прибыль.

Интернационализм — сложный вопрос для нас в Канаде. Если учесть степень интеграции канадской экономики, политики и вооруженных сил с американскими, то неизменно задается вопрос: как далеко могут канадские трудящиеся продвигаться без параллельных перемен в США? Тут надо учитывать два ключевых момента. Первый заключается в том, что мы не сможем одержать победу в Канаде, если борьба не ведется одновременно в других странах, и прежде всего в США. Но мы не можем и ждать. Поэтому мы должны начать у себя, даже если наши победы будут частичными. Второй: наши отношения с американской империей диктуют стратегию, направленную среди прочего на уменьшение зависимости нашей страны от нее. Этот вопрос является классовым, не национальным, ибо оппозиция такой стратегии исходила бы преимущественно от канадской буржуазии.

8. Средний класс?

Этот вопрос указывает на один из величайших парадоксов нашего времени. В то время, как наличие классового деления становится более очевидным, чем когда-либо, трудящиеся больше чем когда-либо отказываются идентифицировать себя с «рабочим классом». Они себя видят скорее как часть какого-то распычатого «среднего класса».

Дело тут не в выборе более «приличного» термина при защите интересов трудящихся. Во-первых, этот термин исключает значительную часть рабочего класса, которая, безусловно, не относится к «среднему классу». Речь идет о бедном населении, о трудящихся с нестабильной занятостью, о низкооплачиваемых трудящихся, которые не организованы в профсоюзах. В США, в частности, понятие «среднего класса» является языковым средством для отмежевания от бедных негров и латино-

американских иммигрантов. Разделяя таким образом рабочий класс, понятие «средний класс» объединяет в одну социальную категорию прилично оплачиваемых трудящихся, обычно организованных в профсоюзах, специалистов с высшим образованием, предпринимателей и менеджеров низшего звена, доход которых может достигать четверти миллиона долларов в год. Такая социальная категория связана с требованием снижения налогов и сокращения социальных расходов государства. А в тень отодвигаются такие общие интересы рабочего класса, как укрепление трудовых прав и сопротивление интенсификации труда; реструктуризация экономики и создание достойных мест работы для нового поколения; защита таких столь важных для трудящихся социальных услуг, как бесплатное здравоохранение, качественное образование, пособия по безработице; существенное повышение нашего чересчур низкого уровня минимальной зарплаты; борьба против легализованной коррупции в частном и государственном секторах, и многое другое.

Буржуазия, естественно, весьма довольна, что трудящиеся сами себя идеологически обезоруживают, отвергая дискуссию о «классе» и «классовой борьбе». Но для рабочего движения отступление от проблематики класса является отказом от исторического потенциала и исторической ответственности рабочего класса как субъекта прогрессивного преобразования общества. Как писал историк Нельсон Лихтенштейн, открыто и непосредственно говорить от имени рабочего класса — это уже «начало идеологического воспитания миллионов американцев в духе понимания, что их будущее зависит от их способности на саморганизацию и на наращивание коллективной силы.»¹¹

Заключение

¹¹ *Nelson Lichtenstein, 'Class Unconsciousness: Stop Using "Middle Class" to Depict the Labor Movement', New Labor Forum 21(2): Spring 2012, p. 13*

Большой прорыв профсоюзного движения произошел, когда рабочие осознали, что по отдельности они по сути беззащитны перед лицом работодателя, что трудящимся нужны собственные, независимые от работодателя и от власти организации для защиты их интересов. Обстановка в обществе меняется, меняются и стратегические потребности рабочего класса. Последние три десятилетия явно показывают, что для решения проблем беззащитности изолированных, атомизированных трудящихся профсоюзов недостаточно — нужно возвести понятие «коллективное» до уровня класса в целом.

Для решения тех вопросов, о которых мы говорили выше, рабочему классу нужны кроме профсоюзов не только различные формы организации. Ему нужна и более широкая организация с дальновидной стратегией. Эта организация — социалистическая партия нового типа, которая ставила бы себе целью преобразование частичных организаций трудящихся (и в первую очередь профсоюзов), их сплочение. Самая общая цель партии — содействовать развитию у трудящихся общего мировоззрения, общего анализа ситуации и коллективного потенциала борьбы с капитализмом за новое общество.

В настоящий момент мы не можем просто объявить о создании такой партии. Мы должны пока уяснить себе, что именно наши силы позволяют сделать уже сейчас для создания в будущем нужной партии. Какие инициативы, какие промежуточные организационные структуры, какие сети активистов на предприятиях и на местах их жительства, какие формы обучения и какие стратегии могут содействовать созданию общественно-политической силы, которая сможет серьезно и реально ставить вопрос о свержении капиталистического строя и установлении подлинного народовластия.

Эдмонтон, 18 июня 2014 года

КОНФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА РОССИИ
ШКОЛА ТРУДОВОЙ ДЕМОКРАТИИ ИМЕНИ Г.Я.РАКИТСКОЙ
=====

К 20-летию образования КТР

**Первый научно-практический семинар
памяти Г.Я.Ракитской**

**СОБСТВЕННОЕ КЛАССОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
ПРОФСОЮЗНОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ**

Конфедерация труда России и Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской в рамках мероприятий, посвященных 20-летию образования Конфедерации труда России, проводят научно-практический семинар на тему **«Собственное классовое мировоззрение профсоюзного и демократического рабочего движения»**

Программа семинара

10.00—10.20

Выступление инициатора семинара, президента Конфедерации труда России **Бориса Евгеньевича Кравченко**.

Выступления представителей других организаций

Представление участников семинара

10.20—11.50

Первое заседание «Собственная классовая идеология: ее сущность, содержание и организующая миссия. Идеологическая стратегия».

Доклад «Собственная классовая идеология как стратегический ресурс единства действий и реальный фактор классовой организации профсоюзного и демократического рабочего движения»

Автор доклада — **Ракитский Борис Васильевич**
Совыступающие: **Петр Золотарев, Алексей
Этманов, Александр Лехтман, Карин Клеман**

Ведет дискуссию — **Кравченко Борис Евгеньевич**

Ключевые дискуссионные проблемы:

— что такое собственная идеология социальной группы (класса) и какова ее содержательная структура;

— идейные истоки собственной идеологии демократического профсоюзного и рабочего движения;

— способы и формы конструктивного проявления собственной классовой идеологии в субъектности движения и в субъектности социальной группы (класса);

— взаимодействия собственной идеологии и идеологий, чуждых общественному классу;

— проблематика идейного (идеологического) иммунитета;

— типы идейной убежденности и идеологической устойчивости;

— особенности рабочей среды (среды эксплуатируемых трудящихся) как воспринимающей, усваивающей и сохраняющей идеи и ценности.

11.50—12.10 — перерыв.

12.10—13.40

Второе заседание. Посвящается памяти выдающегося социального мыслителя, идеолога и теоретика демократического рабочего движения Галины Яковлевны Ракитской (1939—2013).

Ведут заседание:

Кравченко Борис Евгеньевич

Букетов Кирилл Александрович

Гусев Алексей Викторович

Доклад «**Вклад Г.Я.Ракитской в формирование нового, современного общественознания**».

Автор доклада — **Борис Васильевич Ракитский**
Выступления и воспоминания участников
конференции.

13.40—14.20 — перерыв.

14.20—15.45 и 16:00 — 17:40

Третье и четвёртое заседания «Конструктивно-критический современный взгляд на марксизм, анархизм, философию правозащитного движения как на идейные истоки собственной классовой идеологии профсоюзного и демократического рабочего движения».

Доклад «Живое и мертвое в идеологии и теории марксизма»

Автор доклада — **Кудюкин Павел Михайлович**
Совыступающие: **Иван Овсянников, Мария Курзина, Дмитрий Кожнев, Олег Бабич**

Доклад «Философия классического и современного анархизма: ее ценность и основные методологические слабости»

Автор доклада — **Рябов Пётр Владимирович**;
презентация доклада - **Гусева Юлия**

Совыступления: **Василий Старостин, Юлия Островская, Владимир Есионов, Влад Тупикин**

Доклад «Философия правозащитного движения, ее историческая значимость и перспективы».

Автор доклада — **Гусев Алексей Викторович**
Совыступления: **Елена Герасимова, Уте Вейнман, Ольга Мирясова, Игорь Ковальчук**

Ведут дискуссию — **Букетов Кирилл Александрович** (анархистская часть) и **Шеин Олег Васильевич** (марксистская часть); **Коновал Андрей** (правозащитная часть)

Ключевые дискуссионные проблемы:

— не предлагает ли нам марксизм фактически две методологии: историко-материалистическую в философии и экономико-детерминистскую (экономико-материалистическую) в экономическом учении (в «Капитале» К.Маркса)?

— представления о классе, способном совершить социалистическую революцию: насколько научно обоснованными выглядели они в 19 веке и выглядят сейчас?

— новые вопросы, требующие от марксизма научно глубоких и строгих ответов;

— основные направления и сферы вульгаризации историко-материалистического учения;

— ценность и уязвимость (недостаточность) анархической апологии личности:

— проблематика необходимого и достаточного актуального общественного контекста для практики анархического движения;

— кризисные проблемы идеологии анархистского движения.

— правозащитная деятельность поддерживает и инициирует проявление человеческого и гражданского достоинства. Не умаляет ли она при этом роли конфликта интересов?

— проблематика взаимоотношений правозащитной и революционной идеологий;

— что показал опыт правозащитной деятельности в период шоковых геноцидных реформ в России (1990-е годы).

15.45—16.00 — перерыв.

17.40—18.10

Выступления модераторов и членов Совета семинара. Предварительные предложения к повестке

следующего (второго) семинара на тему «Собственное классовое мировоззрение профсоюзного и демократического рабочего движения».

Материалы семинара будут опубликованы отдельной книгой и размещены на сайте Школы трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской www.shkolatd.ru и на сайтах других организаций.

Ведется аудиозапись семинара.

Просьба ко всем докладчикам и выступающим: передать тексты своих докладов и выступлений организаторам семинара.

Дата проведения семинара — 20 февраля 2015.

Место проведения семинара — город Москва, адрес: улица Покровка, дом 27, строение 1 (культурный центр «Покровские ворота»).

Контакты с организаторами семинара: 8 903 140-96-22, ajnurick@gmail.com.

**Букетов
Кирилл Александрович**

Идейная борьба за будущее России¹²

На пути к собственной классовой идеологии рабочего движения

Вступление

Идейная борьба за будущее России. Я назвал так свое выступление, хотя должен сказать, что конечно, не я являюсь автором этого названия. Так назывался один из выпусков сборника «Перспективы и проблемы России», вышедший в 1995 году. Мне кажется, что именно это название в наибольшей степени характеризует суть деятельности Галины Яковлевны Ракитской. Ее научная работа, неустанная образовательная и просветительская практика, множество статей, выступлений, семинаров, вся ее кипучая общественная жизнь были подчинены этой борьбе. Именно борьбе, в которой относительно небольшая группа рабочих и интеллигентов пыталась и пытается проложить путь к становлению социалистического и одновременно демократического общества в России.

Наша классовая идеология

Любая идеология прежде всего подразумевает наличие идеала – отдаленной точки в будущем, к которой мы стремимся. Идеология рабочего класса – это идеология угнетенных, поработанных, униженных. Это идеология свободы, освобождения от угнетения и эксплуатации. В самом общем смысле слова мы говорим об идеале социализма – общества всеобщего равенства,

¹² *Выступление при открытии Первого научно-практического семинара памяти Г.Я.Ракитской «СОБСТВЕННОЕ КЛАССОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОФСОЮЗНОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ» 20 февраля 2015 в Москве*

свободы и братства, общества без классов, без социального насилия и экономической эксплуатации.

Мы можем говорить о различных способах достижения этого идеала – анархисты считают главным уничтожение государства, как главной причины общественного насилия, и установление безвластного общества. Социал-демократы ставят во главу угла участие самих рабочих и их представителей в государственной власти. Социал-либералы уверены, что права человека, в том числе его трудовые и экономические права должны быть поставлены в центр идеального общественного устройства. Эти три основные идейные течения нашего движения ставят перед собой общий идеал, общую конечную цель, но предлагают различные методы его достижения.

Социальная история последних 150 лет дала каждому из этих течений возможность проявить себя в периоды революционных изменений. Однако, несмотря на героические подвиги их последователей и частые успешные примеры реализации собственной доктрины, представители ни одного идейного течения не могут сегодня сказать, что они способны решить главный вопрос порабощения рабочего класса, а именно вопрос о том, как уничтожить эксплуатацию человека человеком, это экономическое принуждение, если нужно, экономическое насилие одних людей над другими.

То, что этот вопрос не решен, вовсе не означает что мы должны сложить руки. Наоборот, его актуальность увеличивается, а опыт тех, кто сражался за этот идеал перед нами, тех, кто отдал свои жизни за него, даёт нам и необходимые знания, и надежду на то, что мы сможем применить их в будущем.

Это то, к чему всем своим примером призывала нас Галина Яковлевна, для которой было совершенно естественно рассматривать марксизм (а она несомненно принадлежала именно к марксистской школе) не как догму, а как учение революционное для своего времени и

полезное для последующих времен только в меру критического отношения к нему.

Собственная идеология и политическая борьба

Теперь о *собственной* идеологии. Что значит собственная идеология для класса? Это идеология, видение идеала и методов его достижения, выработанные самим классом. Наша отправная точка в идейной борьбе — это признание того, что социалистическое движение — это сам рабочий класс, движение трудящихся. Настолько, насколько оно ведёт самостоятельную классовую борьбу. Идеология рабочего класса и его классовое политическое сознание вырабатываются самим рабочим классом в ходе этой борьбы. Революция, к которой стремится рабочее движение, может быть осуществлена только самим рабочим движением в его собственных интересах. Не силами и не в интересах политической группировки, партийного кружка, левацкого комитета, псевдо-интернационала. А только силами организованных рабочих. Цель и метод для нас абсолютно связаны.

В борьбе за свой идеал мы знаем, где проходит линия фронта и кто стоит с другой его стороны. Но одной из причин неуспешности реализации нашего идеала являются непрекращающиеся попытки привнесения идеологии извне, свойственной, вроде бы находящимся с одной с нами стороны линии фронта, мелким политическим группам, считающим себя социалистическими и опирающимися на идейное наследие большевиков. Владимир Ленин писал: «О самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи». «Социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть привнесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии лишь выработать сознание тред-юнионистское» («Что делать», стр 21). Такое

пренебрежительное дистанцирование от рабочих, неверие в их способность мыслить и действовать самостоятельно, отношение к рабочим как к пушечному материалу революции неоднократно в истории, в том числе в истории совсем недавней, приводило к катастрофическим последствиям и трагедиям.

Галина Яковлевна всегда выступала против такого подхода, ее марксизм отталкивался от марковского «Освобождение рабочих – есть дело рук самих рабочих». Наша совместная работа в рамках Рабочего Университета «КАС-Кор» и впоследствии все усилия Школы трудовой демократии были направлены на развитие чувства локтя, солидарности, чувства нашей собственной идентичности как класса, на понимание единства общих интересов угнетенных, и разработку собственных путей их реализации. Ракитская ставила вопросы, и не давала на них ответов. Хотя они у нее, конечно же были, но она не считала правильным навязывать свое мнение. Именно это ее качество вызывало доверие к школе, которую она возглавляла и через которую прошли сотни рабочих и профсоюзных активистов. Эта школа стала школой выработки собственного классового сознания, главным инструментом идейной борьбы, которую вела Галина Яковлевна.

При этом конечно она видела ограниченность «тредюнионистского сознания», выступая против попыток, как она называла, «социальной капитуляции» и указывая на то, что теория классовой борьбы с того времени как ее сформулировали наши предшественники в 19 веке претерпела серьезные изменения. И капитализм, с которым мы имеем дело, сильно отличается от описанного теоретиками сто пятьдесят лет назад. Он по-прежнему развивается хаотично. На смену экономическим бумагам приходят экономические кризисы. Не было еще ни одного бума, который бы не сменился кризисом, и не было ни одного кризиса, за которым не последовало бы

восстановление экономики. Политика современных капиталистических государств состоит в том, чтобы уменьшать тяжесть кризиса и увеличивать скорость восстановления. Что в этой ситуации делать рабочему движению? Использовать и кризисы и бумы, имея в виду, что эти различные периоды требуют различных подходов и различных стратегий развития движения. Отказываться от социальной капитуляции, но использовать в своих интересах «социальное партнерство» рассматривая его как форму классово-борьбы в мирное время.

Ракитская категорически не принимала ленинский тезис о неспособности рабочих двигаться дальше, выйти за пределы «тредюнионистского сознания». Профсоюз – это первый шаг к организации рабочих на производстве. И это рубеж. Как говорит Дан Галлин, первая и последняя линия обороны в борьбе рабочих за человеческое достоинство и свои права. Объединившись в профсоюз и получив опыт совместной борьбы, мы начинаем движение на пути к созданию общества нашего идеала, развивая эту борьбу, где возможно, в борьбу политическую. В *собственную* политическую борьбу.

Идейная борьба в довоенной и послевоенной России

В работе 1996 года «Общественные стратегии в современной России», опубликованной последним «КАС-Кор»овским изданием «Рабочая политика», Галина Яковлевна описывает 6 политических сил — актеров в этой борьбе, в которой сторонникам демократического, антиавторитарного социализма противостоят группа компрадорского капитализма, сторонники подчинения России международному капиталу, группа независимого капитализма, сторонники капиталистической России как независимого игрока на мировом капиталистическом поле, социал-реформисты, призывающие строить такой капитализм, в котором и трудящимся будет чем поживиться.

Наиболее опасными (хотя в середине 1990-х годов так это не виделось) являются сторонники возврата к тоталитаризму, которые делятся на две части – те, кто за обновление тоталитарной России на основе социальной ностальгии (неосталинисты), и современные русские фашисты, выступающие за возрождение империи. В то время это означало необходимость ведения идеологической борьбы на пяти направлениях - против пяти идеологически групп. Вряд ли можно было себе представить себе тогда, что в определенный момент все эти пять групп чудовищным образом прорастут друг в друга и мы окажемся один на один с огромным отвратительным многоголовым идейным мутантом, который объединяет в себе все эти пять враждебных рабочему движению идеологий.

О чем это говорит? На мой взгляд, это говорит о нашей силе. Мы - единственный политический лагерь, сохранивший в безумный 2014 год ясное видение своего общественного идеала и методов его достижения.

Галина Яковлевна не дожила до этого момента, но она оставила нам огромное теоретическое наследие, на которое мы можем опереться. Например, подробное и глубокое описание идейных установок наших противников, их основные классифицирующие признаки и слабые звенья. Это наследие требует сегодня изучения, своего нового переиздания и осмысления.

Я бы хотел завершить еще одной цитатой. «Главным проявлением кризиса казарменного строя, - говорила Галина Яковлевна, - является революционная борьба по поводу дальнейшего развития общества». Другими словами, пока мы боремся – они в кризисе. Пока мы боремся, у России есть будущее. И сегодня мы собрались здесь, потому что мы верим в то, что Россия заслуживает лучшего будущего.

Спасибо всем, кто пришел!

**ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
«ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»
НЕ ЗНАЧИТСЯ В УТВЕРЖДАЕМОМ ВАК
«ПЕРЕЧНЕ ВЕДУЩИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ
И ИЗДАНИЙ»**

Издатель не взимает с авторов деньги за публикацию

**ВЫСОКОЕ НАУЧНОЕ КАЧЕСТВО ПУБЛИКАЦИЙ
ГАРАНТИРУЕТСЯ**

Научная литература

Периодическое издание
Обществознание большинства. Выпуск 12

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119361 Москва, Озёрная улица 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru

Подписано в печать 05.07.2015 Объем 46 стр. (1,8 п.л.)
Тираж 200 экз. Распространяется бесплатно
Отпечатано на собственном ризографе